

она лишь перенесенная на испанскую почву февральская революция. Наставать на тождественности нашего февраля и испанского апреля не приходится. Во всяком случае испанские революционеры показали всё своё поведением, что они даже задним умом не крѣпки. Газеты всёхъ странъ посвятили множество строкъ мелочамъ, которыя въ каждомъ Русскомъ должны были пробудить рядъ по меньшей мѣрѣ «стыдныхъ» воспоминаній. Стремительное переименованіе улицъ и военныхъ кораблей, оттаиваніе коронъ на эмблемахъ и знакахъ, срынаніе государственныхъ гербовъ со зданій, порнографическіе памфлеты, порочащіе личную жизнь «свергнутыхъ тирановъ», безостановочное исполненіе «Марсельезы» на всёхъ наличныхъ инструментахъ и т. д. Все это украсило въ свое время наши столицы. И все это украситъ въ настоящее время Мадридъ и Барселону.

Въ апрѣльской Испаніи, какъ и въ февральской Россіи — тѣ же иллюзіи, тѣ же слова, та же пустозвонность, та же пошлость. И та же подлость ренегатовъ и шкурниковъ. Совершенно такъ же, какъ и у насъ проявили себя двѣ группы населенія: во-первыхъ, «монархисты», и, во-вторыхъ, «конституціоналисты». Какъ и у насъ въ февральскіе дни монархисты и въ Мадридѣ оказались въ самую рѣшительную минуту въ безвѣстномъ отсутствіи. Въ день выборовъ, опредѣлившихъ судьбу Испаніи, республиканскіе и социалистическіе клубы кишѣли народомъ. Инструкцій, призывовъ, гонцы, агитаторы лѣзли во всё стороны. Монархическіе центры и клубы напоминали кладбища. Журналистовъ принимали швейцары. Несмотря на то, что за монархію высказался не одинъ десятокъ тысячъ мадридскихъ избирателей, дѣятельность мадридскихъ монархистовъ въ революціонные дни ограничилась вывозомъ личного имущества за границу. Испанскіе конституціоналисты — наши кадеты — при монархіи были монархистами. Сразу послѣ событий 14-го апрѣля они не долго думая бросили всѣхъ и устремились по теченію: они провозгласили себя республиканцами. Въ мартѣ 17-го года конституціонно-монархическая «партія народной свободы» тоже послѣдила объявить себя республиканской... Дальнѣйшая судьба испанскихъ кадетъ сама по себѣ мало интересна. Надо полагать, что и у нихъ будутъ свои Шингаревы и Кокошкины, которые заплатятъ кровью за игру съ огнемъ.

Русскимъ опытомъ сумѣли воспользоваться только испанскіе украинцы. Они не откладывали изданіе своего универсала до конца лѣта и провозгласили самостоятельность Каталоніи съ мѣста въ карьерѣ. Ихъ командующій войсками кievскаго военного округа (переводимъ на Русскій языкъ замысловатое названіе этой барселонской долины — стп), разговаривая съ мадридскимъ военнымъ министромъ по роковому «прямому проводу» отказался принять отъ него инструкціи, указавъ, что ему сначала слѣдуетъ обратиться за утвержде-

ніемъ этой инструкціи къ Петлюрѣ (по-испански выговаривается Macía) и хладнокровно повѣсить трубку. Эта пикантная подробность нѣсколько омрачила всеобщее ликованіе. Роль грузинъ видимо приняла на себя баски. Какъ бы то ни было на территоріи бывшаго Испанскаго Королевства на лицо уже двѣ республики: одна въ Мадридѣ, другая въ Барселонѣ. Для начала этого, конечно, вполне достаточно.

Небезинтересно отмѣтить, что главнымъ обвиненіемъ, которое было предъявлено королю всеми его противниками оказалось обвиненіе въ нарушеніи конституціи. Формально это нарушеніе выразилось въ томъ, что король не воспротивился пропусканію Примо де Ривера. Нельзя не удивиться, что подобное обвиненіе могло быть предъявлено правителю именно въ Испаніи. Нарушеніе конституцій посредствомъ пропусканія является совершенно неизбѣжнымъ и періодически повторяющимся явленіемъ у всёхъ народовъ испанскаго и португальскаго корня. Въ иберійскія республики развиваются подъ знакомъ «пропусканіемъ». Ни одинъ президентъ не избирается въ этихъ республикахъ народомъ или парламентомъ. Ни одна конституція не измѣняется учредительнымъ собраніемъ именно въ республикахъ Южной Америки и Португаліи. И именно въ этихъ республикахъ диктатура, переходящая отъ одной генераль-президентской партіи къ другой стала нормальнымъ государственнымъ строемъ. Наличіе короля въ Испаніи какъ разъ и являлось препятствіемъ для пропусканіемъ. Кой вѣкъ король въ минуту жизни трудную потакнулъ этому испытанному леберо-республиканскому приему и сразу оказалась на скамьѣ подсудимыхъ. Непослѣдняя логика общественного мнѣнія, но теперь то и становится интересной будущая статистика республиканскихъ пропусканіемъ въ Испаніи.

Испанскія событія оказались, между прочимъ, мѣриломъ культурнаго уровня демократовъ разныхъ странъ. Французскіе демократы показали свою культурность и свою терпимость въ томъ уваженіи, съ которымъ они встрѣчали у себя во Франціи испанскую королевскую семью. Триумфальный въездъ короля Альфонса XIII въ Парижъ очень знаменателенъ въ этомъ отношеніи. Русскіе демократы обнаружили свое ничтожество въ совершенно неприличномъ отношеніи къ тому же королю Альфонсу. Статьи крупнѣйшихъ французскихъ республиканскихъ газетъ съ одной стороны и республканскихъ сотрудниковъ «Послѣднихъ Новостей» съ другой стороны являютъ столь рѣзкій контрастъ, что остается только убѣдиться лишній разъ въ томъ, что демократія въ переводѣ на Русскій языкъ означаетъ хамство.

А. Львовъ.

Левъ Тихомировъ

1.

Въ зарубежной печати уже неоднократно появлялись отзывы объ изданіяхъ въ 1927 г. большевистскимъ Централкомомъ «Воспоминаній Льва Тихомирова», этого бывшаго члена Центрального Комитета «Народной Воли», ставшаго впоследствии редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Воспоминанія эти, быть можетъ, разочаруютъ тѣхъ, кто будетъ въ нихъ искать указаній на его «политическую эволюцію», на то, какъ человекъ

этотъ изъ «крайне-лѣваго» сбѣжалъ «крайне-правымъ»: политикъ они касаются лишь вскользь. Однако, нужно отмѣтить, что даже большевникъ, издающее его воспоминанія, отдають должное его честности, нравственной порядочности и идейности, признавая, что «судетелемъ онъ не былъ» (см. вступительную статью, написанную Вѣрой Фигнеръ). Но для тѣхъ, кому несравненно болѣе интересно, чѣмъ поверхностныя разсужденія о всевозможныхъ политическихъ программахъ и платформахъ, касающихся исключительно периферіи нашей жизни, то основное, самое глубокое въ ду-

штъ человѣка, что въ сущности и является единственной подлинной реальностью, — для того воспоминанія Тихомирова даютъ колоссальный по своей цѣнности матеріалъ.

Уже послѣ своего возвращенія въ Россію, когда ему пришлось лицомъ къ лицу столкнуться со многими неприятными явлениями тогдашней Русской дѣятельности, на которыя онъ отнюдь не закрывалъ глазъ, онъ писалъ въ своемъ дневникѣ подлѣ Новыи 1890-и года:

«Ни въ чемъ я не блаженству ю ни душой ни тѣломъ, и такое положеніе, конечно, не могло бы прельстить ни одного невѣрующаго обратиться, если бы онъ могъ самъ ясно представить, что получится именно такое состояніе. И, однако, есть въ этомъ состояніи нѣчто такое, за что я его не променяю ни на какія бредни невѣрующаго міросозерцанія: это — ощущеніе Правды, съ которой ты, при всей мерзости своей, находишься. Самъ — нищъ и оказанъ, но знаешь Правду, великую, послѣднюю, которая всѣмъ правдами Правда. Эта Правда, можетъ быть, обречетъ тебя на муку. Все равно, отъ Правды къ иллюзиі нельзя перейти добровольно, и слава Богу милосердному, утѣшившему меня во всякомъ случаѣ тѣмъ, что я вижу эту Правду».

Исканіе этой Правды, жажда подлинно-реального — такъ можетъ быть охарактеризована вся его предыдущая жизнь, какъ въ революціонныхъ кружкахъ, такъ и въ эмиграціи, которую онъ такъ потрясающе картинно описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Вотъ, какъ говоритъ онъ объ этомъ въ главѣ «Послѣдніе годы парижской жизни»: «Я всей душой жаждалъ реального, дѣйствительно существующаго. Его искалъ въ исторіи. Читалъ въ это время бездуно, и моя мысль становилась все болѣе рѣшительной, самостоятельной. Реальное меня привлекало во всемъ. Я отдыхалъ душой, глядя на садовника, роющагося въ грязи. Это — нѣчто дѣйствительно существующее, а потому во много разъ выше оно нежели фантазиі... (слѣдуютъ адреса квартиръ Лаврова и другихъ лидеровъ тогдашней эмиграціи) и прочихъ домовъ умалченныхъ. Я уважалъ дерево, растущее предъ моимъ домомъ, муравьевъ, которые копошились въ нашемъ огородѣ; все это дѣйствительно существуетъ и по своему занято дѣломъ. Тѣмъ болѣе искалъ я реального въ своей личной жизни».

И это подлинно реальное открылось ему чрезъ его маленькаго большаго сына Сашу. Описаніе этого процесса постепеннаго подхода къ вѣрѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе захватывающихъ страницъ этой книги. «Какъ многому научилъ онъ меня», пишетъ онъ, говоря о сынѣ, «безъ словъ, безъ понятій, однимъ настроеніемъ, въ которое онъ меня погружалъ своими страданіями, любовью, которая во мнѣ къ нему разгоралась, наконецъ, запросами своей маленькой, развивающейся души. Онъ меня привелъ къ Богу. Тяжело было идти, но эту путь привелъ къ такому свѣту, что и теперь не могу вспомнить тяжести дороги, не умѣю изобразить того, чѣмъ мучился, невольно вспоминаю только свѣтлое... И въ другомъ мѣстѣ: «Религіозное чувство замѣчательно охватывало и привлекало мальчюка, которыи, больной, хилый, былъ въ то время замѣчательно хорошъ душой, съ какой то особенной тонкостью духовнаго воспріятія. Я учился вѣрнѣ въ духовное начало, наблюдая этого милаго ребенка, и самъ отъ него болѣе получить, кажется, нежели далъ ему. По мѣрѣ того, какъ у меня росло религіозное чувство — (въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «И вѣра вливалась въ меня съ каждымъ днемъ, вѣра безпорядочная, неясная, вѣра неизвѣстно во что»), я становился все смѣлѣе въ отношеніи своемъ къ всевозможнымъ общественнымъ вопросамъ. Я не боялся ихъ оцѣнивать, чувствуя, что отъ нихъ не безусловно завишу. По мѣ-

рѣ этого я не боялся сознавать, что въ Россіи хорошо все, что вспоминалось съ отрадой. И я началъ мальчюку говорить тоже о Россіи»...

Одновременно съ этимъ — какъ онъ самъ замѣчаетъ — предъ его духовнымъ взоромъ все болѣе начинаетъ вставать иной обликъ Россіи, чѣмъ обычный для міросозерцанія эмигранта-революціонера, образъ далекаго его дѣтства, столь отличный отъ трафаретно-наблюднаго образа, созданнаго революціонерами. «И еще — самое главное — вспоминается Русскій храмъ, лампы, таинственное мерцаніе золотыми искрами иконостаса, молитвенное пѣніе, эти длинныя толпы со свѣчами, торжественный или задумчивый колоколь. О Боже мой, какъ это вспоминалось, вспоминалось особенно потому, что на душѣ вставало что то странное, мистическое, чьею имени я не зналъ. Это была вторая половина того, что оказывалось во мнѣ существующимъ. Я искалъ реального въ мірѣ. Я получалъ Бога въ себѣ или около себя».

Нельзя безъ волненія читать описаніе его перваго посѣщенія съ сыномъ Русской посольской церкви на рю Дарю (нижней церкви) въ 1888 году. «Когда раздалось пѣніе молитвы, мнѣ стало страшно — я думаю, что у меня разорвется сердце. Скажу прямо: съ дѣтства я не плакалъ и не умѣю плакать, и не вѣрю плачу и презираю его... Но у меня тутъ спазмы охватили горло, — мнѣ хотѣлось упасть и рыдать отъ горя и счастья, отъ стыда за свое блужданіе, отъ восторга видѣть себя въ церкви, — я не знаю отчего, но я даже подумалъ на секунду: Господи, если у меня лопнетъ сердце, то что будетъ съ мальчюкомъ».

Ясно, что постѣ всего этого оставаться въ прежней революціонно-эмигрантской средѣ ему уже было невозможно: его потянуло на свѣжій воздухъ, и тутъ созрѣло у него рѣшеніе о возвращеніи въ Россію.

II.

Всѣ практическія его наблюденія надъ окружающей его дѣятельностью только укрѣпляли его въ принятомъ рѣшеніи — вернуться въ Россію; къ тому же приводили его и его научныя работы и размышленія. Въ своемъ прошеніи, поданномъ на Высочайшее имя съ просьбой о разрѣшеніи ему вернуться въ Россію, онъ говоритъ слѣдующее:

«Чрезвычайную пользу я навлекъ изъ личнаго наблюденія республиканскихъ порядковъ и практики политическихъ партій. Нетрудно было видѣть, что самодержавіе народа, о которомъ я когда то мечталъ, есть въ дѣятельности совершенная ложь и можетъ служить лишь средствомъ господства для тѣхъ кто болѣе искусенъ въ одурачиваніи толпы... Все это освѣтлено для меня мое прошлое, мой горькій опытъ и мои размышленія, и придало смѣлость подвергнуть строгому просмотру прелюбовія идеи французской революціи. Одну за другой я ихъ судилъ и осуждалъ. Я понялъ, наконецъ, что развитіе народовъ, какъ всего живущаго, совершается лишь органически, на тѣхъ основахъ, на которыхъ они исторически сложились и выросли и что поэтому здоровое развитіе можетъ быть только мирнымъ и національнымъ».

Разъ всталъ уже на такую точку зрѣнія, къ которой онъ пришелъ въ результатѣ глубокаго духовнаго переворота, Тихомировъ естественно не могъ остановиться на подорожѣ, и изъ него не могъ выйти типъ либерала, какъ это случилось со многими бывшими революціонерами, у которыхъ эволюція происходила болѣе подлѣ впливомъ политическихъ, или даже умственныхъ, философскихъ соображеній, чѣмъ вслѣдствіе религіознаго обращенія. Онъ и самъ сознавалъ это, какъ это видно, напримѣръ, изъ его замѣтокъ въ дневникѣ за 1889 годъ: «Я послалъ Суворину большую статью для

«Исторического Вѣстника». Ясно, что онъ ее не приметъ. Въ своемъ консерватизмѣ онъ не переходитъ известной черты, которую я перехожу. Я отрицаю разныя передовыя идеи по существу. Это для него уже, вѣроятно, не годится.

Всѣ эти «передовыя» идеи не могли не казаться ему мелкими и пошлыми передъ величіемъ того пути, который теперь открылся передъ нимъ, какъ онъ и самъ это говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Величайшій и труднѣйшій путь — это путь христіанскаго совершенствованія. Понять, ощутить, схватить то Царствіе Божіе, которое внутри насъ; въ своей личности, въ своей душѣ увлечь жизнь вѣчнаго мірового Духа, стать выше матеріальнаго міра, выше даже человѣчества, поскольку человѣчество есть процессъ природы. Какое духовное величіе нужно для этого».

И эта, открывшаяся ему правда легла въ основу всего его, также и политическаго, міросозерцанія, какъ онъ это выразилъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Монархическая Государственность» (послѣдній томъ вышелъ въ 1905 году), гдѣ все основано на приматѣ религиозно - нравственнаго принципа, проникающего жизнь и стремящаго ее осмыслить и одухотворить. Онъ является съ основой истинной монархіи.

«Въ различныхъ формахъ верховной власти», говоритъ Тихомировъ, «выражается то, какого рода силъ нація, по своему психологически-нравственному состоянію, наиболѣе довѣряетъ. Демократія выражаетъ довѣріе къ силѣ количественной. Аристократія выражаетъ преимущественное довѣріе къ авторитету, проверенному опытомъ; это есть довѣріе къ разумной силѣ. Монархія выражаетъ довѣріе, по преимуществу, къ силѣ нравственной».

«Царская власть — это какъ бы воплощенная душа націи, отдавшая свои судьбы Божьей волѣ». «Монархическій принципъ великъ и силенъ только нравственнымъ единеніемъ съ націей», говоритъ онъ далѣе. «Когда же оно не поддерживается, не доказывается, не проявляется, въ народѣ неизбежно начинаютъ шевелиться сомніи въ реальности такой формы верховной власти и получаютъ успѣхъ проповѣдь другихъ принциповъ государственнаго строя. Выстъ съ тѣмъ замѣчается одновременное разслабленіе и національныхъ силъ и самаго государственнаго управленія».

Написанная наканунѣ революціи, подѣ впечатлѣніемъ надвигающейся катастрофы, книга Тихомирова является для насъ особенно актуальной, и только теперь, уви, она мо-

жетъ быть оцѣнена по достоинству, когда сблизится тяжелая предчувствія ея автора.

Съ грустью смотритъ онъ въ глаза неизбежному: «Послѣ реформы 1861 г., равной цѣлѣму перевороту съ признаніемъ крестьянства и всѣхъ Русскихъ подданныхъ свободными гражданами, открывалась потребность въ созданіи учреждений, которыя бы заполнили пустоты, образующіяся между властью и націей при паденіи крѣпостныхъ основаній... Для этого верховная власть должна бы была работать тѣтъ 20 въ непрерывнѣйшемъ общеніи съ націей, какъ это было при Михаилѣ Феодоровичѣ послѣ 1612 года... Но ничего подобнаго не было... Послѣ 1861 года около верховной власти осталась одна только бюрократія. Она все дѣлала. Она все рѣшала за Россію. И вотъ, въ теченіе 40 лѣтъ, она успѣла вырвать такую яму между Царемъ и народомъ, какой никогда не было за всѣ предыдущіе 1000 лѣтъ существованія Россіи».

Однако, несмотря на все это, Тихомировъ все же не сомнѣвается въ томъ, что «современная смута, подобно смутѣ XVII вѣка, завершится полной реставраціей монархіи... даже въ томъ случаѣ, если бы она, какимъ-либо стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ, была временно разрушена». — «Дѣло въ томъ», — продолжаетъ онъ далѣе, «что коренныя условія современной государственности несомнѣнно всѣ — за монархію... Душа Русскаго такова, что онъ неспособенъ искренно подчиниться какой либо верховной власти, основанной не на нравственномъ началѣ, а потому онъ неспособенъ признать надъ собой власть ни аристократіи, ни демократіи. Русскій по характеру своей души, можетъ быть только монархистомъ или анархистомъ. Если онъ почему-нибудь утратитъ вѣру въ монархію, то дѣлается или политическимъ индифферентистомъ, или анархистомъ». — «Можно себѣ представить у насъ, какъ вездѣ, смуты, перевороты, узурпаціи, но какъ прочный строй въ Россіи возможенъ только монархія, и думаю, что она теперь возродилась бы изъ самыхъ тяжкихъ смутъ столь же самодержавной, какъ въ 1612 году».

Напомнимъ при этомъ, что «самодержавной» монархіей, или монархіей «истинной» (въ отличіе отъ ея ложныхъ формъ, монархій деспотической и абсолютной) Тихомировъ называетъ лишь тѣскую монархію, которая является «верховой властью нравственнаго идеала», ограниченной содержаніемъ этого идеала и покоящейся на соборномъ единеніи Царя съ народомъ.

Юрій Арсеньевъ.

Лекція проф. И. А. Ильина

29-го апрѣля въ Парижѣ профессоръ И. А. Ильинъ прочиталъ публичную лекцію «О монархическомъ и республиканскомъ правосознаніи». Лекторъ проявилъ въ ней столько эрудиціи, глубины и тонкости мысли и художественнаго таланта, что весь переполненный огромный залъ слушалъ его буквально атаканъ дыханіе и лова каждое его слово.

Коснувшись религиознаго обоснованія монархическаго принципа, лекторъ въ высоко художественной формѣ представилъ, какъ въ древне-языческомъ мѣрѣ въ основаніи монархическаго сознанія лежалъ культъ обожествленнаго идеальнаго образа царя — его идеи — которому, какъ, напримеръ, въ Египтѣ, самъ носитель этой идеи, фараонъ, воздавалъ божеская почести. И въ древнемъ императорскомъ Римѣ та же идея выражалась въ культѣ божественнаго генія императора, его «иоменса». Этотъ культъ, какъ извѣстно, служилъ главнымъ поводомъ къ гоненіямъ на христіанъ, от-

казывавшихся исполнять обряды, предписывавшіеся этимъ культомъ. По мнѣнію лектора, это было основано на недоразумѣніи, ибо послѣ Константина Великаго религиозный элементъ въ монархическомъ сознаніи подчеркивался, по его словамъ, не менѣе, если не болѣе.

Мнѣ представляется, однако, что этотъ отказъ христіанъ отъ участія въ культѣ «генія» императора объясняется отнюдь не недоразумѣніемъ, а вытекаетъ изъ самой сущности христіанскаго міросозерцанія. Для христіанства только Господу Иисусу Христу принадлежитъ «всякая власть на небесахъ и на земли», и земные цари царствуютъ не въ силу своей собственной божественности, а вслѣдствіе благодатной силы, имъ сообщаемой въ цѣляхъ служенія Высшей Правдѣ Христовой. Эта благодатная помощь свыше даетъ царю силу для осуществленія своего царскаго подвига, который предполагается со стороны царя аскезу — очищеніе